

КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА «ПОБЕДА»

XX военные
тайны
века

В.А. РУНОВ

Валентин Александрович Рунов

Кавалеры ордена «Победа»

Серия «Военные тайны XX века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63623911

Кавалеры ордена «Победа» / В.А. Рунов: Вече; Москва; 2020

ISBN 978-5-4484-8506-0

Аннотация

Новая книга военного историка В.А. Рунова рассказывает о кавалерах полководческого ордена «Победа». Среди награжденных этой редкой наградой были лидеры государств Иосиф Сталин и король Румынии, Маршалы Советского Союза и военачальники Польши и Великобритании. Судьба каждого из них представляет большой интерес для любителей военной истории.

Содержание

Введение	5
Часть первая	14
Генералиссимус И.В. Сталин	14
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Валентин Рунов
Кавалеры ордена «Победа»

XX ***военные
тайны
века***

© Рунов В.А., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Введение

Великая Отечественная война в военной истории нашей страны не имела аналогов. С 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года шинель надевали 34,4 миллиона граждан СССР всех национальностей, и советско-германский фронт был главным фронтом Второй мировой войны. Здесь были сосредоточены небывалые в истории войн силы и средства. Общее количество их доходило до 12,8 млн человек, 163 тыс. орудий и минометов, 20 тыс. танков и САУ (штурмовых орудий), 18,8 тыс. боевых самолетов. Он приковывал подавляющую часть вооруженных сил Германии и ее европейских союзников. На этом фронте одновременно действовало от 190 до 270 наиболее боеспособных дивизий противника. Даже после открытия Второго фронта в Европе против Красной Армии сражалось от 195 до 240 немецких дивизий, в то время как на Западном фронте – только 56–75 вражеских соединений. Кроме того, на советско-германском фронте действовали значительные силы союзников Германии.

Военные действия на советско-германском фронте отличал небывалый пространственный размах. Протяженность линии фронта в некоторые периоды борьбы колебалась от 4 до 6 тысяч километров. Военные действия велись на глубину до 2 тысяч километров. Общее стратегическое наступление осуществлялось на фронте от 1200 до 4250 километров,

а глубина продвижения войск доходила до 200—1100 километров.

Для советско-германского фронта были характерны битвы как совокупность одновременных и последовательных наступательных и оборонительных операций стратегического масштаба. Они велись на обширных пространствах, носили длительный, упорный и ожесточенный характер. К их числу относятся: битва под Москвой, битва за Ленинград, Сталинградская битва, битва за Кавказ, Курская битва, битва за Днепр.

В рамках каждой из битв советскими войсками было проведено по несколько стратегических и фронтовых операций. Все крупные операции были масштабными. Так, размах Днепровско-Карпатской наступательной операции составлял 1300—1400 километров по фронту и 250—400 километров по глубине, Белорусской наступательной операции — 700—1000 километров по фронту и 550—600 километров по глубине, Висло-Одерской операции — 500 километров по фронту и столько же по глубине.

Всего же Красная Армия провела 51 стратегическую и 250 фронтовых операций. Советские Вооруженные Силы осуществили разгром главных сил фашистского блока и милитаристской Японии и внесли определяющий вклад в наращивание наступательных возможностей антигитлеровской коалиции.

Ход и исход войны определялся совокупностью объектив-

ных факторов, возможностями сторон, соотношением военных и моральных сил, уровнем развития военной техники и военного искусства. Но вместе с тем на ход войны огромное влияние оказала и деятельность людей, возглавлявших крупные воинские формирования. Она выдвинула ряд талантливых полководцев и крупных военачальников, которые внесли большой вклад в разгром врага и в развитие военного искусства. Масштабы их деятельности во много раз превышали те, в которых приходилось решать задачи полководцам и военачальникам прошлых времен.

Безусловно, заслуги этих людей требовали особых оценок и особых наград. Поэтому символичным стало учреждение высшего полководческого ордена «Победа» и то, что первое награждение этим орденом было осуществлено за операции, в ходе которых соединения Красной Армии вышли на границу СССР. Так, 10 апреля 1944 года отдельными указами Президиума Верховного Совета СССР орденом «Победа» были награждены два выдающихся полководца – первый заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г.К. Жуков и начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Также важно то, что ордена Жукову за № 1 и Василевскому за № 2 31 мая 1944 года в Кремле вручил Н.М. Шверник – первый заместитель Председателя Верховного Совета СССР. И только после этого, 29 июля 1944 года, орденом «Победа» был награжден Верховный Главнокоман-

дующий И.В. Сталин, которому орден за № 3 5 ноября 1944 года вручил М.И. Калинин.

Следующее награждение орденом «Победа» состоялось 30 марта 1945 года, после того, как Советские войска завершили одну из крупнейших операций Второй мировой войны – Висло-Одерскую. Тогда этого ордена были удостоены маршалы И.С. Конев, К.К. Рокоссовский и вторично Г.К. Жуков. 19 апреля 1945 года, уже в самом конце войны с Германией, вторым орденом «Победа» был награжден маршал А.М. Василевский. А через неделю отдельными указами этой почетной награды были удостоены маршалы Малиновский и Толбухин.

После капитуляции Германии настало время воздать достойные почести тем, кто внес большой вклад в Победу. 31 мая орденом «Победа» был награжден маршал Л.А. Говоров, а 4 июня генерал армии А.И. Антонов и маршал С.К. Тимошенко. 26 июля 1945 года вторым полководческим орденом за № 10 был награжден Сталин, которому на следующий день было присвоено звание Генералиссимуса СССР. 8 сентября 1945 года орденом «Победа» был награжден Маршал Советского Союза К.А. Мерецков.

Нельзя умалчивать и тот факт, что в дело победы над фашистской Германией и ее союзниками большой вклад внесли страны антигитлеровской коалиции.

Когда 22 июня 1941 года в 8 часов утра Черчиллю было доложено о начале вторжения Германии в СССР, он объ-

явил, что выступит в тот же вечер по радио. В речи по Би-би-си от имени британского правительства он заявил, что Великобритания будет оказывать помощь Советскому Союзу, насколько это будет возможно. При этом он не скрывал, что остается последовательным противником коммунизма. Он считал, что в случае успеха на востоке Гитлер предпримет попытку вторжения на Британские острова и нанесения поражения Англии прежде, чем вмешаются флот и авиация США.

Позиция США в связи с нападением Германии на СССР была также озвучена 23 июня 1941 года в заявлении Государственного департамента, которое на пресс-конференции зачитал исполняющий обязанности госсекретаря С. Уэллес. В качестве основного здесь ставился вопрос: будет ли сорван гитлеровский план завоевания мира. «Армия Гитлера представляет сегодня главную опасность для Америки», – такую заключительную фразу вписал в заявление Ф. Рузвельт. В кратком выступлении 24 июня президент США огласил решение правительства о предоставлении всей возможной помощи России. Он, однако, не уточнил ее характера и отказался комментировать вопрос о вероятности включения СССР в систему поставок по ленд-лизу.

Безусловно, материальная помощь во время войны была крайне важна для Советского Союза, который был вынужден перестраивать свою экономику и временно сократить производство. Поэтому техника и вооружение, которые поступа-

ли в Советский Союз по ленд-лизу от союзников по антигитлеровской коалиции, оказали существенно влияние на победы Красной Армии над противником. Всего за время войны, начиная с ноября 1941 г., от них было получено 151,7 тыс. единиц стрелкового оружия, 9,4 тыс. орудий и минометов, 11,9 тыс. штук танков и САУ, 5 тыс. штук бронетранспортеров, 18,3 тыс. штук самолетов, 520 штук кораблей. Доля ленд-лиза в общем количестве техники и вооружения составляла: стрелкового оружия – 0,8 %, орудий и минометов – 1,8 %, танков и САУ – около 12,1 %, самолетов – около 15 %, автомобилей – 32,8 %.

Но более существенной была помощь, оказанная союзниками в виде конкретно проведенных операций и боев против фашистских войск. В их числе были и действия югославских партизан, и операции польских армий, проведенные совместно с советскими войсками, и самостоятельные операции английских и американских войск. Большое политическое значение имел государственный переворот в Румынии, в результате которого эта страна из союзника Германии превратилась в ее противника.

Правительство СССР в дни тяжелых поражений Красной Армии и ее отступления в глубь страны было вынуждено искать пути сближения с западными демократиями, что соответствовало военным интересам страны. В обращении к советскому народу 3 июля 1941 года И.В. Сталин провозгласил одной из целей создание единого фронта народов для проти-

водействия Гитлеру. Обращение содержало ссылку на «историческое выступление» британского премьер-министра и на декларацию правительства США, «которые могут вызвать лишь чувства благодарности в сердцах народов Советского Союза». На этом основании был разработан первый документ – советско-английское соглашение о совместных действиях в войне против Германии от 12 июля 1941 года». Впоследствии подобные соглашения были заключены и с другими странами.

5 июня 1945 года произошло первое награждение высшим советским военным орденом «Победа» иностранцев – Верховного Главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Европе американского генерала армии Д. Эйзенхауэра и командующего группой союзных армий английского фельдмаршала Б. Монтгомери. Ордена им вручил Маршал Советского Союза Г.К. Жуков 10 июня во Франкфурте-на-Майне. 6 июня 1945 года орденом «Победа» был награжден король Румынии Михай I. Награду ему вручил 19 июля маршал Толбухин в Бухаресте.

9 августа высшим советским военным орденом был награжден маршал Польши М. Роля-Жимерский. Вручил ему орден «Победа» посол СССР в Польше В.З. Лебедев 14 ноября 1945 года.

Девятнадцатое по счету награждение орденом «Победа», и последнее в то время, состоялось 9 сентября 1945 года. Им были отмечены заслуги Иосипа Броз Тито. Награду югослав-

скому маршалу вручил в Белграде 29 сентября 1945 года посол СССР И.В. Садчиков.

Безусловно, сегодня мнения об этих людях далеко не однозначны. Культ личности И.В. Сталина был разоблачен в середине 1950-х годов, а в постсоветское время многие писатели его представляют деспотом во власти, сознательно губившим собственный народ. В конце 1980-х и в 1990-х появились книги, направленных против Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Исследователи начального периода войны в неудачах РККА во многом обвиняют бывшего наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. Есть работы, авторы которых пишут об отсутствии военного таланта у Маршала Советского Союза И.С. Конева и некоторых других кавалеров ордена «Победа».

Неоднозначны мнения историков и о фактах награждения орденом «Победа» иностранных военачальников.

В отношении награждения Д. Эйзенхауэра существует такая легенда, что генерал тщательно пересчитал бриллианты, учел их размеры и решил, что орден стоит 18 тысяч долларов. Но как быть с рубинами? Обратились к экспертам. Они не смогли назвать точную цифру, ибо так и не решили, подлинные или синтетические рубины укреплены на ордене. Вынести окончательное решение не удалось – никто в США никогда не видел подлинных рубинов таких размеров. Тогда по просьбе генерала его адъютант показал этот орден ювелиру с всемирно известного аукциона, который по совокупно-

сти оценил его в 100 тысяч долларов.

Также существует легенда о том, что румынский король Михай, находясь в эмиграции, продал свой орден с аукциона. Сам он отрицает этот факт. Но несколько раз приезжая в Российскую Федерацию на празднование Дня Победы, он ни разу не надел этот орден.

В данной книге авторы не берутся вести научный спор для того, чтобы обвинить или оправдать кого-либо из политиков и военачальников, награжденных орденом «Победа» или отмеченных другими высшими полководческими орденами. Этот труд неблагодарный и очень непростой: на совести у каждого из них сотни тысяч солдатских жизней и десятки крупных побед над врагом во имя общей для всех Родины. Что более значимо – решать персонально каждому. Но при этом нужно помнить, что история уже сделала свой выбор и вписала многие имена в свои страницы. Замарать ложью эти страницы можно, но переписать – крайне трудно.

Часть первая

Военачальники Советского Союза

Генералиссимус И.В. Сталин

В самом начале Великой Отечественной войны генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и председатель Совета Народных Комиссаров И.В. Сталин также стал председателем Государственного Комитета Обороны и министром обороны СССР. А 8 августа 1941 года в утренней сводке Совинформбюро диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан, обладавший редким по тембру и выразительности голосом, обнародовал постановление Президиума Верховного Совета СССР, Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР о назначении И.В. Сталина «Верховным Главнокомандующим всех войск Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота».

Таким образом, Иосиф Виссарионович на фоне крупных военных неудач начального периода Великой Отечественной войны принял на себя основную ответственность за судьбу страны и ее народа, над которыми явно нависла угроза фашистской оккупации. Он, превратив страну в единый военный лагерь, не снял с себя эту ответственность до полного

разгрома врага, после чего сделал все возможное для того, чтобы в кратчайшие сроки залечить нанесенные войной раны и удержать Советский Союз на уровне ведущих стран мира. До него такими достижениями могли похвастаться только Петр I и Александр I, которые также смогли разгромить агрессора, вторгшегося на территорию России.

Справка

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович. (9 (21).12.1879 – 5.03.1953). В 1894 году окончил Горькое духовное училище. Профессиональный революционер. Работал в составе первого Советского правительства на посту наркома по делам национальностей (1917–1922 годы). Одновременно в 1919–1922 годах возглавлял Наркомат государственного контроля (с 1920 года Наркомат Рабоче-Крестьянской инспекции). Во время Гражданской войны и военной интервенции входил в состав Совета рабочей и крестьянской обороны, был членом Революционного совета Республики, членом революционных военных советов Южного, Западного и Юго-Западного фронтов. В апреле 1922 года на Пленуме Центрального комитета РКП(б) избран генеральным секретарем ЦК. Герой Социалистического Труда (1939 год). С 6 мая 1941 года Председатель Совета Народных Комиссаров СССР (с 19 марта 1946 года – Совета Министров СССР). С 30 июня 1941 года Председатель Государственного Комитета Обороны. 10 июля назначен председа-

телем Ставки Верховного Командования (с 8 августа Верховного Главнокомандования), 19 июля – наркомом обороны, 8 августа – Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. С 1943 года Маршал Советского Союза, с лета 1945 года Генералиссимус Советского Союза. Герой Советского Союза (1945 год), кавалер двух орденов «Победа», других государственных наград. Член Политбюро ЦК ВКП(б), Президиума ЦК КПСС, Исполкома Коминтерна, Депутат Верховного Совета СССР первых трех созывов.

Военная деятельность И.В. Сталина началась с того, что в годы Гражданской войны он был введен в состав Реввоенсовета Республики, реввоенсоветов ряда фронтов, и в этом качестве имел возможность участвовать в разработке планов операций, а также участвовать в их проведении. Позже некоторые советские историки писали о великих полководческих заслугах Иосифа Виссарионовича, и даже фактически приписывали ему все главные победы в Гражданской войне, но сам И.В. Сталин не любил распространяться на эту тему.

Он довольствовался тем, что прежде чем занять должность Верховного Главнокомандующего, почти два десятка лет фактически руководил государством, возглавляя Коммунистическую партию, являвшуюся партией власти. За столь продолжительный исторический период им и его ближайшим окружением было сделано достаточно много из того, что впоследствии стало объективной базой в деятельности

Иосифа Виссарионовича во время Великой Отечественной войны.

Была создана четкая вертикаль власти, безусловно подчиненная воле Кремля и пронизывающая все структуры советского общества сверху до самого низу. Это позволяло целеустремленно и настойчиво проводить в жизнь любые решения высшего партийного руководства, исключало их критику и тем более невыполнение. Такое положение делало Сталина диктатором огромной многомиллионной страны, которой он управлял с помощью небольшого совещательного органа (ближайшего партийного окружения) и огромного репрессивного аппарата.

По сути дела, в руках Сталина к началу 40-х годов сосредоточились власть и средства ее реализации, равных которым Россия не знала в своей истории. Воеводы и опричники Ивана Грозного, генерал-губернаторы и полиция последующих императоров никогда не пользовались поддержкой народа. В СССР сложилось так, что руководство страны и органы защиты его власти опирались на низовые партийные, комсомольские и даже пионерские организации, являвшиеся не только проводниками их воли и средствами контроля за качеством выполнения правительственных указаний, но зачастую и карающими органами. Для граждан страны сталинского периода не было ничего страшнее, чем исключение из партии, комсомола или пионеров, проводившегося решением их же товарищей нередко без участия вышестоя-

щих партийных органов, которые только утверждали эту меру наказания. Критика высшего партийного руководства или нерадивость при исполнении его указаний чаще всего были причиной таких наказаний.

Беспримерные в истории возможности мобилизации народа на выполнение решений партии позволили сталинскому руководству в короткие сроки осуществить индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства страны. На этой базе была создана военная промышленность, способная собственными силами обеспечить всем необходимым двухмиллионные вооруженные силы страны. Были решены вопросы комплектации Красной Армии и Красного Флота личным рядовым составом на основе всеобщей воинской обязанности и подготовки командного состава в системе военных заведений.

В то же время негативным фактором военной политики руководства страны в 30-е годы стали репрессии среди командного состава. По неполным данным, составленным бывшим начальником Главного управления кадров генералом А.И. Тодорским, только за 1937–1938 годы было репрессировано 3 из 5 Маршалов Советского Союза (М.Н. Тухачевский, В.К. Блюхер, А.И. Егоров), 2 командарма 1-го ранга из 4, оба армейских комиссара 1-го ранга, оба флагмана флота 1-го ранга, все 12 командармов 2-го ранга, все 15 армейских комиссаров 2-го ранга, 60 комкоров из 67, 25 корпусных комиссаров из 28, 136 комдивов из 199, 221 комбриг из 397, 34

бригадных комиссара из 36. «Карающий меч» органов государственной безопасности так же безжалостно прошелся по головам командиров полков, батальонов, рот, батарей...

Для восполнения убыли были произведены многочисленные назначения. К началу войны в приграничных военных округах до половины командного состава имели стаж в занимаемых должностях от 6 месяцев до одного года, а 30–40 процентов командиров среднего звена (взвод-батальон) составляли офицеры запаса с крайне слабой военной подготовкой. Кроме того, существовал значительный некомплект начальствующего состава, в результате чего нередко младшие офицерские должности занимали сержанты срочной службы.

Слабость Красной Армии проявилась уже в ходе войны с Финляндией 1939–1940 годов. Она не смогла в ходе одной операции разгромить значительно уступавшего по силам противника. Пришлось конфликт раздувать до масштабов войны, решающая фаза которой пришлась на 1940 год. И хотя линия Маннергейма была взята, победа получилась пирровой. По неполным данным, потери советских войск в этой войне составили более 50 тысяч убитыми, около 16 тысяч пропавшими без вести, более 170 тысяч ранеными и 11 тысяч обмороженными. Причины – недооценка противника, упрощенная оценка обстановки, породившая просчеты в планировании военных действий, плохое оборудование театра войны, неудовлетворительная боевая подготовка коман-

дивов, штабов и войск.

Недостатки военного строительства, выявленные во время войны с Финляндией, в большинстве своем не были устранены к началу Великой Отечественной войны по субъективным и объективным причинам. Первые требовали переоценки деятельности высшего эшелона власти с самого Сталина, что было исключено. Вторые объяснялись недостатком времени.

В таких условиях естественной реакцией власти на свои неудачи в каком-либо деле становятся кадровые перемещения подчиненных ей исполнителей. Весной 1940 года наркомом обороны вместо «первого красного маршала» К.Е. Ворошилова назначается С.К. Тимошенко, которому также присваивается высшее воинское звание Маршала Советского Союза. Семен Константинович имел боевой опыт командования кавалерийской дивизией в годы Гражданской войны, командующего войсками Украинского фронта во время «освободительного похода» в Западную Украину и Бессарабию в 1939 году, командования Северо-Западным фронтом во время советско-финляндской войны. Он намного лучше Ворошилова знал положение дел в армии, обращался в Политбюро и лично к Сталину с конкретными предложениями. В частности, в июне 1940 года он представил Сталину доклад с просьбой пересмотреть около 300 дел командиров и лиц высшего начальствующего состава, репрессированных в 1937–1938 годах. Несмотря на противодействие со стороны

Ворошилова, новый нарком смог убедить Иосифа Виссарионовича положительно решить этот вопрос. Более 250 военачальников были возвращены в строй. Среди них К.К. Рокоссовский, А.В. Горбатов, А.И. Тодорский и другие. Предотвращен был арест Л.А. Говорова.

Но Тимошенко, являясь воспитанником Первой конной армии, хорошо помня сложности войны с финнами, оставался сторонником наступательной доктрины и в масштабах всего государства. Это выразилось во взглядах наркома на будущую войну, способы и средства ее ведения. Началась организационная перестройка войск, был взят курс на создание мощных танковых формирований для развития успеха в глубину вражеской территории – 29 механизированных корпусов по 1036 танков каждый, воздушно-десантных корпусов и сильных по составу артиллерийских частей резерва Главного Командования. Концентрация танков и артиллерии в высших окружных (фронтовых) инстанциях происходила за счет ослабления дивизий и полков, на которые легла основная тяжесть обороны в начале Великой Отечественной войны, и это был один из просчетов Тимошенко, за который пришлось заплатить дорогой ценой.

Смена наркома обороны повлекла за собой и другие перемещения среди высшего военного руководства, которые если не инициировал, то, безусловно, санкционировал Сталин. В августе 1940 года начальником Генерального штаба становится также участник войны с Финляндией генерал ар-

мии К.А. Мерецков. Видя слабость расположения советских войск у западной границы по существовавшим в то время наступательным планам войны, он спланировал и провел штабную игру, в ходе которой генерал Г.К. Жуков, игравший за «синих», разгромил «красные» войска генерала Д.Г. Павлова в Белостокском выступе. Это очень не понравилось Сталину, и Мерецков был отстранен от управления Генеральным штабом.

Новым начальником Генерального штаба в январе 1941 года назначается герой Халхин-Гола генерал армии Г.К. Жуков. До начала Великой Отечественной войны остается менее пяти месяцев. Генеральный штаб лихорадит. Столь частая смена начальников высшего планирующего органа вооруженных сил, безусловно, не пошла на пользу обороноспособности страны и не исключено, что стала одной из причин достижения Германией внезапности при нападении на СССР в июне 1941 года. Ни нарком С.К. Тимошенко, ни начальник Генерального штаба Г.К. Жуков не посмели направить в округа и армии директиву о приведении войск в боевую готовность ввиду угрозы нападения Германии, которая для них была очевидной. В тех условиях они не смели и не имели права принимать столь ответственные решения без санкции Сталина.

Вспомним последний мирный день, 21 июня 1941 года. «Вечером, – рассказывал Г.К. Жуков, – мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейте-

нант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому обороны и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев.

– Приезжайте с наркомом в Кремль, – сказал Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным (заместителем начальника Генерального штаба) мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

– А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? – спросил он.

– Нет, – ответил С.К. Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду.

Молчание становилось мучительно-тягостным. В это время, как свидетельствуют очевидцы, в кабинет стали входить члены Политбюро – М.И. Калинин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян. То ли потому, что все сегодня уже встречались со Сталиным или перезванивались по телефону, за руку не здоровались, а, кивнув, проходили к длинному столу, занимавшему справа вдоль стены обширную часть кабинета, и молча усаживались на стулья. Тревожное, напряженное безмолвие.

Привычными движениями пальцев Сталин сломал две папиросы и заправил табаком трубку. Несколько раз пососал черный мундштук, затем, взглянув на трубку с раздражением, положил ее в пепельницу. Выпрямившись в кресле, обвел собравшихся долгим взглядом и, обращаясь к членам Политбюро, как-то очень буднично и спокойно пересказал последние сообщения с границы.

– Что будем делать? – после небольшой паузы глухо спросил он.

Все молчали. Было ясно, что наступил критический час в жизни государства. И этот беспредельно трудный вопрос требовал не просто ответа, а ответа-решения. Вновь скользнув глазами по сосредоточенным и словно потемневшим лицам членов Политбюро, Сталин повернулся к Тимошенко и повторил вопрос:

– Что будем делать?

– Надо немедленно дать директиву о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность! – ответил, сдерживая волнение, народный комиссар обороны.

– Читайте! – сказал Сталин, выразительно посмотрев на красную папку. Ее держал наготове Жуков, сидевший между Тимошенко и Ватутиным. Начальник Генерального штаба открыл папку, встал и, чеканя каждую фразу, громко и внятно, будто отдавая приказ командующим округами, начал читать проект директивы. Всем своим видом – волевым, чуть выдающимся вперед подбородком, смелым разлетом бровей

над глазами, твердой интонацией голоса, привыкшего приказывать, — он как бы олицетворял непреклонную власть. Чувствовалось, что читая документ, Жуков почти воочию видит, как поэшелонно разворачиваются в боевые порядки стрелковые соединения, как занимает огневые позиции артиллерия и изготавливаются к боевым действиям авиационные полки.

Когда Жуков окончил читать, Сталин опустил голову, забарабанил пальцами по столу и после короткого раздумья сказал:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. — Он посмотрел в сторону сидящих за столом членов Политбюро. — Надо дать короткую директиву, — развивал мысль Сталин, заметив, как Ворошилов утвердительно кивнул, — в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызывать осложнений.

Жуков нетерпеливо и вопросительно-тревожно посмотрел на маршала Тимошенко. Тот, кажется, понял его и обратился к Сталину:

— Товарищ Сталин, время не терпит... Разрешите здесь же приготовить новый проект директивы.

— Конечно, — согласился Сталин и, переждав, пока Жуков и Ватутин выходили из кабинета, чтобы в соседней комнате засесть за срочную работу, спросил у Молотова: — Когда бу-

дет германский посол?

– В двадцать один тридцать, товарищ Сталин, – ответил Вячеслав Михайлович.

Прошло немного времени и в кабинет председателя Совнаркома вернулись Жуков и Ватутин. Они приблизились к столу Сталина. По его разрешению Жуков раскрыл папку и зачитал директиву. Ее основная часть гласила:

«...а) в течение ночи на двадцать второе июня сорок первого года скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом двадцать второго июня сорок первого года рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Двадцать первого июня сорок первого года» (ЦАМО РФ, ф. 132-А, оп. 2642, д. 40, л. 3).

Сталин спросил у присутствующих, все ли согласны с директивой войскам, и, не услышав возражений, передал папку, взятую у Жукова, наркому обороны.

– Подписывайте.

Директиву подписали Тимошенко и Жуков. Ватутин немедленно увез ее в Генеральный штаб для передачи в штабы приграничных военных округов. Копия директивы направлялась Народному комиссару Военно-морского флота.

В 3 часа 07 минут 22 июня наркому обороны и начальнику Генерального штаба позвонил командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов. Спустя минут двадцать начальник штаба Западного особого военного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете германской авиации на города Белоруссии. Минуты через три о налете авиации на города Украины сообщил начальник штаба Киевского особого округа генерал М.А. Пуркаев. Вскоре последовал доклад командующего войсками Прибалтийского особого военного округа генерала Ф.И. Кузнецова.

«Нарком приказал мне звонить И.В. Сталину, – вспоминает Г.К. Жуков. – К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны.

– Кто говорит?

– Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным...

Минуты через три к аппарату подошел И.В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. Сталин молчит. Слышу лишь его ды-

хание.

– Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И.В. Сталин спросил:

– Где нарком?

– Говорит по ВЧ с Киевским округом.

– Приезжайте в Кремль с Тимошенко...

В 4 часа 30 минут утра мы приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку» (*Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 265–266*).

22 июня в 3 часа 15 минут германские вооруженные силы вторглись на территорию СССР. Войну Советскому Союзу объявила также Италия. Развернулись приграничные сражения войск трех фронтов: Северо-Западного, Западного и Юго-Западного.

В Кремле немедленно собралось руководство страны и высшее командование РККА. В результате обсуждения обстановки в 7 часов 15 минут в войска пошла директива № 2.

«22 июня 1941 года в 04 часа утра, – говорилось в ней, – немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и пере-

шли нашу границу. В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить...

2. ...Удары авиации наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кёнигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать».

Подписали директиву нарком обороны С.К. Тимошенко, член Главного Военного совета Г.М. Маленков¹, начальник Генерального штаба Г.К. Жуков» (ЦАМО РФ, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 1–2).

На второй день фашистской агрессии Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) постановили «образовать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе наркома обороны маршала С.К. Тимошенко (председатель), начальника Генерального штаба генерала армии Г.К. Жукова, И.В. Сталина, В.М. Молотова, маршалов К.Е. Ворошилова и С.М. Буденного, наркома Военно-Морского Флота адмирала Н.Г. Кузнецова». Спустя неделю Президиум Верхов-

¹ Главный Военный Совет РККА был создан 24 июня 1940 года в составе: С.К. Тимошенко (председатель), А.А. Жданова, Г.М. Маленкова, Г.И. Кулика, Б.М. Шапошникова, С.М. Буденного, Л.З. Мехлиса, Г.К. Жукова, К.А. Мерецкова, Я.В. Смушкевича, Д.Г. Павлова.

ного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР «виду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, признали необходимым создать Государственный Комитет Обороны под председательством т. Сталина И.В.²» 10 июля решением ГКО Ставка Главного Командования преобразовалась в Ставку Верховного командования. В ее состав вошли Председатель ГКО И.В. Сталин, заместитель председателя ГКО В.М. Молотов, маршалы С.К. Тимошенко, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, Б.М. Шапошников, генерал армии Г.К. Жуков. Через неделю И.В. Сталин стал также и наркомом обороны, освободив от этой должности Тимошенко.

События начала войны развивались стремительно и не в пользу Советского Союза. Уже 23 июня войска Западного фронта оставили Гродно, на следующий день – Вильнюс, 28 июня – Минск. 26–27 июня войну СССР объявили Финляндия и Венгрия. 2 июля начались боевые действия войск Южного фронта против противника, перешедшего в наступление с территории Румынии.

К 9 июля закончились приграничные сражения в Прибалтике, Белоруссии, Западной Украине. Фронт вооруженной борьбы переместился от западных границ СССР на 350–600

² В состав ГКО вошли И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия. В 1942 г. в него были включены Н.А. Вознесенский, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, в 1944 г. – Н.А. Булганин, тогда же выведен К.Е. Ворошилов.

километров к северо-востоку и востоку. Он стал проходить по рубежу Пярну, Псков, Витебск, Житомир, Бердичев, Могилев-Подольский. Противник оккупировал Литву, Латвию, Белоруссию, значительную часть Эстонии, Украины и Молдавии. Создалась угроза прорыва его войск к Ленинграду и Киеву.

11 июля войска Западного фронта оставили Витебск, 16 июля – Смоленск. 22 июля был осуществлен первый налет авиации противника на Москву. 3 августа войска Юго-Западного фронта оставили Первомайск, на следующий день – Кировоград, 7 августа – Вознесенск. В это же время на южном крыле советско-германского фронта началась осада Одессы.

Неудачи начального периода войны, безусловно, очень сильно огорчали И.В. Сталина, который данные до того времени события представлял себе совсем иначе. «несокрушимая и легендарная» Красная Армия явно оказалась не такой мощной, как это внушалось ему и всему советскому народу. Нужны были хоть какие-то результаты для того, чтобы постараться вернуть советскому народу веру в будущую победу над врагом. И это выразилось в том, что в ночь на 8 августа специальная группа авиации Балтийского флота под командованием полковника Е.Н. Преображенского провела первую бомбардировку столицы Германии – Берлина...

Прошло сорок семь суток войны. Чем же характеризовалась в это тяжелое для страны время деятельность человека,

вступившего в те дни в должность Верховного Главнокомандующего?

В первые дни войны Сталин все время ждал утешительных вестей. Несколько раз он звонил Тимошенко, Жукову, Ватутину, нетерпеливо и зло спрашивал:

– Когда, наконец, вы доложите ясную картину боев на границе? Что делают Павлов, Кирпонос, Кузнецов? Что делает Генштаб?

Но в это время победных или, по крайней мере, обнадеживающих донесений, однако, не поступало. Иосиф Виссарионович нервничал. Ему казалось, что военачальники на местах медлят, проявляют нерешительность, нерасторопность. Неопределенность обстановки действовала угнетающе. Доклад Ватутина, сделанный в полдень, не удовлетворил Сталина своей неконкретностью. Обсудив с Тимошенко, Жуковым, Молотовым, Ждановым и Маленковым проекты документов о создании Ставки Главного Командования, объявлении мобилизации и введении военного положения в европейской части страны, он принял решение направить на фронт представителей высшего военного командования.

«Примерно в 13 часов, – писал Г.К. Жуков, – мне позвонил Сталин и сказал:

– Наши командующие фронтами не имеют достаточно-го опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки

Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания... Оставьте за себя Ватутина» (*Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 269*).

Тогда же по инициативе Сталина генерал Ватутин приступил к отработке документа, получившего известность как директива № 3. В ней задачами сил прикрытия определялись:

«а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить Сувалковскую группировку противника и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки;

б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиацией Юго-Западного фронта... окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24 июня овладеть районом Люблин...» (ЦАМО РФ, ф. 132-А, оп. 2642, д. 62, л. 17).

Заканчивались первые сутки войны.

Поздним вечером генерал Ватутин принес первую оперативную сводку Генерального штаба. В ней обнадеживающе резюмировалось, что «с подходом передовых частей полевых войск Красной Армии атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника» (ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2513, д. 9, л. 444).

Ночь на 23 июня прошла напряженно. Люди не покида-

ли кабинет Председателя Совнаркома. Были рассмотрены проекты постановлений, определяющих задачи партийных и советских органов в условиях военного времени, о вводе в действие мобилизационного плана по боеприпасам, о создании Совета по эвакуации, Советского информационного бюро, об охране предприятий и учреждений, о мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами в прифронтовой полосе. Состоялись встречи с Н.М. Шверником, А.Н. Косыгиным, М.Г. Первухиным, А.С. Щербаковым, М.З. Сабуровым, другими членами правительства, хозяйственными и партийными руководителями.

Начинало светать, когда Сталин сделал первую попытку связаться с командующими войсками Западного фронта. За ней последовала вторая и третья. Из штаба фронта следовал односложный ответ: генерал Павлов в войсках. Ничего определенного не удалось добиться и от начальника штаба генерала Климовских. Невольно рождалась мысль о том, что штаб фронта потерял управление войсками и не контролировал развитие событий. Иллюзии, которые все еще питал Сталин, начали испаряться после утреннего доклада Ватутина, а также безуспешных попыток связаться с Шапошниковым, Куликом и Жуковым. Не внесла ясности в обстановке на фронтах и информация Тимошенко – сведения с мест боев, как понял Сталин, базировались на отрывочных, противоречивых данных.

К вечеру 23 июня поступило сообщение о сдаче Гродно.

Это действовало на Сталина угнетающе. Сказалось, вероятно, и то, что пошла третья ночь без сна. Лишь к 2 часам кабинет опустел. Наступила пауза. Последующие события этой ночи герой повести В.Д. Успенского «Тайный советник» Н.А. Лукашев, подполковник Генерального штаба, пользующийся, по версии автора, особым доверием Верховного Главнокомандующего, описывает так:

«У Сталина хватило сил добраться до квартиры. С трудом переступил порожек. Лицо бледное, недовольное. Я встретил его решительным натиском:

– Иосиф Виссарионович, извольте немедленно поест и ложитесь спать, пока не начался рассвет. Это необходимо, вы не имеете права выходить из игры. Это не просьба, это, если хотите, приказ!

– Даже так? – Он грузно опустился на стул, усмехнулся. – Вы правы. Война только начинается, и нельзя, просто невозможно не спать всю войну, – попытался пошутить он. – Только сразу разбудите меня, если возникнет необходимость.

Так мы условились. По совести говоря, я боялся: Сталин настолько переутомлен и возбужден, что не сможет уснуть. Но действовала, вероятно, привычная домашняя обстановка, действовало вино. Он затих сразу, едва вытянулся на своей узкой жесткой постели» (Коммунист Вооруженных Сил. 1990. № 3. С. 93).

Полдень 26 июня. В кабинете у И.В. Сталина В.М. Молотов. Обсуждали последние заявления правительства США,

Великобритании, Турции, Ирана. Иосиф Виссарионович подошел к открытому окну, выдохнул облако табачного дыма. Молотов, видя, что Сталин забылся в размышлениях, поднялся, чтобы уйти.

– Подожди, – сказал Сталин, не поворачиваясь. – Сейчас придут военные с докладом. Вместе послушаем.

Вячеслав Михайлович прошелся по кабинету. Задержался у соседнего окна. Молчали. За долгие годы совместной работы они узнали друг друга настолько хорошо, что молчание одного из них не смущало другого.

Сейчас, когда ожидался приход руководителей Наркомата обороны, Сталин, конечно, размышлял о положении на фронтах, стараясь по давно выработанной привычке точно определить, что до сих пор делалось правильно, а что нет. Шел пятый день войны. Враг сумел достичь многого. Очень горько было сознавать, что в первые дни после вторжения фашистов Генеральному штабу Красной Армии никак не удавалось составить близкую к истине картину событий в приграничных зонах. Определилась, правда, безусловная, хотя и потерявшая значение истина: излишне было осторожничать.

В дверях появился помощник Сталина Александр Николаевич Поскребышев. Иосиф Виссарионович кивнул ему. Тут же в кабинет вошли Тимошенко и Ватутин. Их лица от бессонных ночей казались сухими и резкими. Во всем чувствовалась внутренняя напряженность.

Сталин впился глазами в карту с нанесенной обстановкой, развернутую на зеленом сукне большого стола. Его взгляд сосредоточился на полосе Западного фронта. Здесь жирные синие стрелы как бы прорезали пространство от Вильнюса до Минска и от Бреста через Барановичи опять-таки на Минск. Лицо его сделалось землисто-серым, четко обозначились побледневшие оспинки. Молча постояв над картой, Иосиф Виссарионович вернулся к своему рабочему столу, взял не зажженную трубку, сунул ее в рот и замер.

Только вчера Ставка Главного командования приказала отвести войска 3-й и 10-й армий Западного фронта на рубеж, простиравшийся от Лиды, через Слоним на Пинск. Оказалось, что немцы уже оставили этот рубеж далеко позади себя. Вчера же, когда принимали решение о создании стратегического фронта обороны по рубежу Западной Двины и Днепра, Сталин, не возражая против директивы, все-таки надеялся, что немцы захлебнутся там, западнее Минска.

– Разрешите докладывать? – потухшим голосом спросил Тимошенко, мучительно глядя в его сгорбившуюся спину.

– Что же докладывать, – очень тихо и сдержанно сказал Сталин. Он подошел к Тимошенко и Ватутину, поочередно посмотрел им в лица и глухо спросил: – Значит, Минск под непосредственной угрозой?

– Да, товарищ Сталин, – вдруг охрипшим голосом ответил Тимошенко. – Танковые группы противника, пользуясь своим численным превосходством и хорошим обеспечением с

воздуха, глубоко охватили фланги войск Западного фронта.

– Что же происходит? – Сталин, будто не вникнув в слова наркома обороны, снова повернулся к карте. – Только вчера вы усилили Четвертую армию Коробкова двумя корпусами... Какие результаты?

– Товарищ Сталин, командование Западного фронта весьма активно маневрирует резервами, – заговорил, сдерживая волнение, генерал Ватутин. – Противнику нанесен колоссальный урон! Но Павлов и его штаб допустили ряд просчетов. В первый день войны связь со штабами армий оказалась нарушенной. Павлов, естественно, и мы не знали, что делается на левом крыле фронта. Там же немцам удалось прорваться и в течение дня продвинуть свои танки на 60 километров... Павлов тем временем принимал меры лишь по ликвидации прорыва на правом крыле. Допущена еще одна – главная – ошибка при вскрытии оперативного замысла немецкого командования. – Ватутин повернулся к карте. – Свои контрмеры Павлов строил, исходя из того, что противник ударами со стороны Бреста и Сувалок постарается в районе Лиды замкнуть кольцо вокруг войск фронта. Он просмотрел крупную танковую группу, которая вклинилась между Западным и Северо-Западным фронтами.

– Эта группа и прорвалась со стороны Вильнюса к Минску, – пояснил Тимошенко. – Вчера мы пытались остановить продвижение ее колонн ударами с воздуха. Нанесли урон, но не остановили. Надеюсь, что немцы разобьют лоб о Минский

и Слуцкий укрепленные районы. – Тимошенко притронулся к начертанным в центре карты красным карандашом двум продолговатым овалам. – Мы приняли меры по их усилению. Вступает в дело 13-я армия.

– А что происходит в районах Белостока, Волковыска, Кобрина? – Сталин отвернулся от стола. – Что сообщают штабы армий?

– У Павлова нет с ними постоянной связи, – ответил Тимошенко, тая в сдвинутых бровях и пасмурном взгляде боль и горечь. – Он потерял управление войскам и не успел принять мер к спасению белостокской группировки...

Вечером последовал вызов в Москву Жукова. Тогда же генерал Павлов был отстранен от командования войсками Западного фронта.

Ночь на 30 июня стала шоковой в психологическом состоянии Сталина. Толчком этого стало известие о падении Минска. Затем состоялся резкий разговор в Генеральном штабе с Тимошенко и Жуковым. Сказались, вероятно, и бессонные ночи, в результате чего проявились симптомы болезни: хрипота, насморк, распухший нос, пожелтевшие глаза. Глава правительства стал вял, раздражителен, внешне безволен. Сперва он уехал из Кремля на Кунцевскую дачу, затем перебрался на Дальнюю дачу к дорогой сердцу Светлане³.

³ Дочь И.В. Сталина Светлана родилась в 1926 году. После смерти 9 ноября 1932 года матери Надежды Сергеевны Алилуевой в основном жила на даче в Зубалово, затем в Кремле. Окончив школу, в 1943 году поступила на исторический, а затем на филологический факультет МГУ. Закончила аспирантуру Ака-

Эту ночь по разному описывают в литературе.

Анастас Иванович Микоян, заместитель Председателя Совнаркома, нарком внешней торговли, член политбюро ЦК ВКП(б), рассказывал, что Молотов, Маленков, Ворошилов, Берия, Вознесенский и он пришли к выводу о необходимости создания Государственного Комитета Обороны, в руках которого следовало бы сосредоточить всю власть в стране, и решили поехать к Сталину. Он был на даче... Застали его сидящим в кресле. Он смотрит на нас и спрашивает: «Зачем пришли?» Вид у него какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстрее решать все вопросы, чтобы как можно скорее поставить страну на ноги. Во главе такого органа должен быть Сталин. Он посмотрел удивленно, никаких возражений не высказал» (Политическое образование. 1988. № 9. С. 75).

Николай Николаевич Воронов, в то время начальник Главного управления ПВО страны, заместитель наркома обороны, повествуя о последних днях июня 1941 года, отмечает, что «Сталин был в подавленном состоянии, нервный и неуравновешенный... По моему мнению, он непра-

демии общественных наук, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. С 1967 года жила в ряде зарубежных стран, в основном в США. Автор воспоминаний: «Двадцать писем к другу», «Всего один год», «Далекie звуки». Мать двух дочерей и сына.

вильно представлял масштабы начавшейся войны, те силы и средства, которые действительно смогли бы остановить наступающего противника на широчайшем фронте от моря до моря... В то время в Ставку поступало много донесений с фронтов с явно завышенными данными о потерях противника. Может быть, это и вводило Сталина в заблуждение» (*Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963. С. 179*).

Никита Сергеевич Хрущев, в то время первый секретарь ЦК КП(б) Украины, член Политбюро ЦК, писал: «Я часто вспоминаю рассказ Берии о поведении Сталина с начала войны. Сначала он не хотел в это поверить и цеплялся за надежду, что это провокация, приказывал даже не открывать огня, надеялся на чудо, пытался спрятаться за собственные иллюзии. Затем ему стали докладывать о победоносном продвижении гитлеровских войск. Тут-то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, – его панический страх перед Гитлером. Сталин выглядел старым, пришибленным, растерянным. Членам Политбюро, собравшимся вечером 30 июня у него в кабинете, он сказал: «Все, чего добился Ленин и что он нам оставил, мы безвозвратно потеряли. Все погибло». И, ничего не добавив, вышел из кабинета, уехал к себе на дачу.

Берия рассказывал, что все остались в растерянности. Но потом решили наметить некоторые практические мероприятия. Ведь шла война, надо было действовать. Обсудив дела, они решили сами поехать к Сталину. Сталин принял их, и они начали убеждать его, что еще не все потеряно, что у

нас большая страна, мы можем собраться с силами и дать отпор врагу, убеждали его вернуться к руководству и возглавить оборону страны. Сталин согласился, вернулся в Кремль и опять приступил к работе» (Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 77).

Судя по воспоминаниям современников, в ряде случаев несколько украшенных в оценке событий, психологический шок у Сталина действительно был. Скорей всего наступило состояние человека, для которого шел процесс падения с олимпа того величия и непогрешимости, созданного как самим Сталиным, так и его окружением.

Первыми шагами, которые свидетельствовали о том, что Сталин пытался взять в руки не только себя, но и контроль над обстановкой, стало оформление создания Государственного Комитета Обороны, замены командующих войсками Западного (первоначально генералом А.И. Еременко, затем маршалом С.К. Тимошенко) и Северо-Западного фронтов (генералом П.П. Собенниковым). Тогда же начальником штаба на Западный фронт был направлен генерал Г.К. Маландин, на Северо-Западный – генерал Н.Ф. Ватутин. Членом Военного совета Западного фронта назначается начальник Главного управления политической пропаганды РККА, заместитель Наркома обороны, Нарком государственного контроля, член ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б) Лев Захарович Мехлис.

Прилив волевой энергии у Сталина стал проявляться в ак-

тивном вторжении в самые различные сферы жизни государства. Документы тех дней позволяют в определенной мере воссоздать характер его деятельности.

1 июля. На проведенном Сталиным заседании рассмотрен и утвержден «Мобилизационный народнохозяйственный план III квартала 1941 года». Тогда же были приняты постановления «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени», «Об организации производства средних танков Т-34 на заводе «Красное Сормово», проведено совещание с ведущими конструкторами авиационной техники, рассмотрены задачи создания подпольного и партизанского движения на Украине, в Белоруссии, в Карелии и Орловской области, решен ряд кадровых вопросов, заслушан доклад начальника Главного управления ПВО, обсужден вопрос об отношении к польскому эмигрантскому правительству.

2 июля. Государственным Комитетом Обороны принято постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне», обсуждены вопросы о формировании в Москве дивизий народного ополчения, о создании при Наркомате обороны специальной группы по формированию новых соединений, важнейших задач Советского бюро военно-политической пропаганды, рассмотрены проекты решений о создании управления морской обороны города Ленинграда, усилении московской зоны ПВО, обсужден проект указа «Об ответственности за распространение в

военное время ложных слухов».

3 июля. И.В. Сталин выступил по радио с речью, в которой изложил программу мобилизации всех сил и средств страны на отпор врагу. «Необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, – подчеркнул И.В. Сталин. – Враг жесток и неумолим... Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе, самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей... Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага» (*Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1943. С. 12, 13, 17*).

В тот же день Государственный Комитет Обороны принял постановление об эвакуации из центральных районов страны и Ленинграда в города Поволжья, Урала, Сибири и Средней Азии около 30 заводов Наркомата вооружения, рассмотрел вопрос о назначении директоров ряда оборонных предприятий. На заседании Политбюро обсуждена задача советской военной делегации на переговорах с английской военной миссией, утвержден состав делегации, а также военной миссии в Англию. Рассмотрен проект постановления «О создании заводов-дублеров по производству танковых дизелей», а

также письма исполнительного комитета Коммунистического интернационала компартиям оккупированных гитлеровцами стран.

4 июля. Николай Алексеевич Вознесенский, первый заместитель Председателя Совнаркома, доложил Сталину проект решения ГКО «О выработке военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны». Затем была заслушана информация председателя Совета по эвакуации Николая Михайловича Шверника, подписано постановление о мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции, о назначении членами Военного совета Северо-Западного фронта Ф.Е. Бокова и Т.Ф. Штыкова. Приняв военных и заслушав информацию о положении дел на фронтах, Иосиф Виссарионович вновь вернулся к партийным и государственным делам, подписав предложение Г.М. Маленкова о назначении на 1170 крупных военных заводах и предприятиях тяжелой промышленности парторгов ЦК, заслушав председателя Госплана Максима Захаровича Сабурова и заместителя председателя Совнаркома Вячеслава Александровича Малышева. Позже были заслушаны доклады наркома путей сообщения И.В. Ковалева, председателя Военной коллегии Верховного Суда В.В. Ульриха, состоялся разговор по Бодо с секретарем Ленинградского обкома и горкома партии членом Политбюро ЦК Андреем Александровичем Ждановым.

Ночью, ознакомившись с очередной оперативной сводкой

Генерального штаба, Сталин распорядился направить в войска телеграмму следующего содержания: «В боях за социалистическое Отечество... ряд лиц командного и рядового состава проявили исключительное мужество и отвагу. Срочно сделайте представление к награждению... на лиц проявивших особые подвиги». Рабочий день Верховного Главнокомандующего завершился подписанием постановлений о добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения и о создании Комиссии по геолого-географическому обеспечению Красной Армии» (ЦАМО РФ, ф. 48-А, оп. 1554, д. 91, л. 11).

Важное решение принял ГКО 10 июля. В тот день по инициативе Сталина он утвердил постановление об организации главных командований войск стратегических направлений: Северо-Западного, Западного и Юго-Западного. Главнокомандующими были назначены маршалы К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, С.М. Буденный, членами военных советов А.А. Жданов, Н.А. Булганин (заместитель Председателя Совнаркома СССР, член ЦК) и Н.С. Хрущев, начальниками штабов генералы М.В. Захаров, Г.К. Маландин, А.П. Покровский. Генерала Маландина вскоре заменил маршал Б.М. Шапошников.

К сожалению, главкомы и их немногочисленный аппарат сразу же были поставлены почти в бесправное положение. Чаще всего они использовались для реализации не собственных замыслов, а директив Ставки, которая продолжала через

их голову руководить фронтами. Главкомы не могли, по существу, распоряжаться находившимися в их полосе резервами, принять то или иное решение без согласования со Ставкой. Часто складывалось впечатление, что они выполняли роль своеобразных «козлов отпущения». При столь жесткой централизации планирования и проведения операций эти региональные органы стратегического руководства в полной мере проявить себя так и не смогли.

Первая неделя августа. Сложной оставалась обстановка на фронтах. С напряжением решал задачи тыл. Войска несли большие потери, требуя все новых и новых резервов. Все это вынуждало Верховного Главнокомандующего трудиться по 16–18 часов в сутки. Иосиф Виссарионович осунулся, стал еще более жестким, нетерпимым, нередко злым. Весьма часто после докладов об очередной неудаче на фронте он стал диктовать не оперативные, а «карательные» распоряжения. Ужесточились, в частности, требования к семьям военнослужащих, оказавшихся в плену. По докладу органов госбезопасности был санкционирован арест большой группы командиров. За первую декаду августа произошла смена двух командующих войсками фронтов, девяти командующих армиями.

«9 августа Сталин, как обычно, только под утро забылся тревожным сном, продолжавшимся не более четырех часов. Несколько раз он просыпался. Поднявшись и попив чаю, Иосиф Виссарионович не поехал в Кремль, а приказал Ша-

пошникову через Поскребышева прибыть к нему к 12 часам и доложить обстановку на фронтах.

Без четверти 12 начальник Генерального штаба был на даче. Он подошел к разложенной на столе карте и негромко, тщательно подбирая слова, стал докладывать. То был первый доклад Сталину как Верховному Главнокомандующему. Доклад грозный и неприятный для восприятия. Боевые действия шли на дальних подступах к Ленинграду, в районе Смоленска, в Киевском узле обороны. Устойчивость обороны по-прежнему оставалась невысокой. Стратегической инициативой владел противник. Дело усугублялось отсутствием на ряде участков фронта вторых эшелонов и крупных резервов. Из более чем 200 дивизий действующей армии на 80 процентов укомплектовано лишь 90, остальные соединения насчитывали не более 3000 личного состава.

– Смоленское сражение, – продолжал Борис Михайлович, – позволило остановить немецкие войска на самом опасном, западном, направлении. Правда, наша попытка провести здесь контрнаступление дала лишь частичный результат, сорвав удар противника. По-прежнему ощущается острый недостаток войск, вследствие чего дивизии чаще строят боевые порядки в один эшелон. Усложнилась обстановка под Киевом. На сегодняшнее утро можно сказать, что 6-я и 12-я армии Юго-Западного фронта отрезаны, – горько уточнил маршал.

– Мы можем сейчас переговорить с руководством Юго-

Западного фронта. – Перебил начальника Генерального штаба Сталин, вспомнив вчерашний разговор с Василевским, начальником Оперативного управления Генштаба.

– Если Кирпонос и Хрущев не в войсках, то мы с ними свяжемся, – последовал ответ.

Через несколько минут «Бодо» отстукал: «У аппарата генерал-полковник Кирпонос».

Сталин: До нас дошли сведения, что фронт решил с легким сердцем сдать Киев врагу, якобы ввиду недостатка частей, способных отстоять город. Верно ли это?

Кирпонос: Здравствуйте, товарищ Сталин. Вам доложили неверно. Мною и Военным советом фронта принимаются все меры к тому, чтобы Киев ни в коем случае не сдавать...

Сталин: Очень хорошо. Крепко жму Вашу руку. Желаю успеха» (ЦАМО РФ, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, л. 30).

Немного успокоившись, отдав необходимые указания маршалу Шапошникову, Верховный Главнокомандующий спустя час приехал в Кремль. Здесь его ждали очередные неприятности, теперь уже личного плана. Он получил сообщение о своем старшем сыне Якове. Источники по-разному освещают этот факт.

«Сталин вошел в кабинет, – пишет И.Ф. Стаднюк в трилогии «Война», – намереваясь тут же приказать начальнику охраны унести «Телефункен». Начальник, полнотелый генерал в полевой форме без знаков различия, словно угадав желание Сталина, выжидательно смотрел на него в раскры-

тую дверь из прихожей, застыв по стойке «смирно» у стола с телефонами. Но что-то заставило Сталина промедлить. Подойдя к радиоприемнику, он окинул его, словно живое существо, неприязненным взглядом и нажал пальцем клавишу. Загорелся и замигал на панели зеленый кошачий глаз, а из-за желтой драпировки, скрывавшей мембраны, вырвался нарастающий треск, и сквозь него стала пробиваться русская речь: мужской голос напыженным тенорком передавал из Берлина обзор событий на Восточном фронте...

Да, сегодня рабочий день для Сталина начинался тяжело. Накат ранивших сердце воспоминаний сменился дурными вестями: немецкий диктор, закончив излагать обстановку в группе армий «Север», вдруг, возвысив голос, сообщил:

«Из штаба фельдмаршала Клюге поступило донесение, что 16 июля под Лиозно, юго-восточнее Витебска, немецкими солдатами моторизованного корпуса генерала Шмидта захвачен в плен сын кремлевского диктатора Сталина – старший лейтенант Яков Джугашвили, командир артиллерийской батареи из седьмого стрелкового корпуса генерала Виноградова. Будучи опознанным, Яков Джугашвили вечером 18 июля доставлен самолетом в штаб фельдмаршала Клюге. Сейчас ведется допрос важного пленника...»

Внутри у Сталина будто все заледенело. Он нажал на клавишу выключателя, приемник щелкнул, будто выстрелил. Не зря, значит, вспоминался ему Яков. Сбылись самые худшие опасения, тревожившие его и во сне...

...Сталин оторвался от бумаг, – продолжает писатель. – Он стал с кресла и словно только сейчас увидел за длинным столом Молотова и Калинина, хотя, когда они вошли, ответил на их приветствия и взглядом пригласил садиться.

Неслышно вошел Поскребышев, зажег электричество, отчего настенные дубовые панели кабинета сразу будто раздвинулись, и доложил о приезде Мехлиса. В ответ Сталин махнул Поскребышеву рукой, в которой держал погасшую трубку, затем обратился к Молотову и Калинин:

– Я думаю,ждемся товарища Жукова, послушаем его доклад и новые предложения Генерального штаба, а потом начнем решать наши текущие дела.

При последних словах Сталина в дверях кабинета появился Мехлис – стройный, в форме армейского комиссара, подтянутый, но непривычно мрачный и даже бледный.

Поздоровавшись и не очень ладно щелкнув каблуками начищенных, сверкающих хромом сапог, он приблизился к Сталину и, глядя на него каким-то болезненно-опасливым взглядом, сказал:

– Товарищ Сталин, я обязан сообщить вам об очень неприятном для всех нас политдонесении с Западного фронта...

Последние слова Мехлиса были заглушены новым грозовым разрядом. Ворвавшийся в кабинет протяжный раскат грома будто шире открыл небесные заслонки, и хлеставший за окнами ливень превратился в седую кипящую стену. Ста-

лин подошел к окну и, подставив лицо под клубившееся облачко водяной пыли, спокойно сказал:

– Садитесь, товарищ Мехлис...

Но Мехлис не сел. Напряженно глядя Сталину в спину, он с трудом подбирал нужные слова:

– Товарищ, Сталин, очень неприятное... тяжелое донесение.

– Докладывайте, – не поворачиваясь, приказал Сталин.

И Мехлис доложил:

– Начальник политуправления Западного фронта сообщает, что, по всей вероятности, ваш сын, Яков Иосифович, попал к немцам в плен...

Сталин продолжал смотреть на ливень, и со стороны казалось, что он не расслышал слов начальника Главпура.

– Точных подтверждений политуправление не имеет, – мучительно продолжал Мехлис, будто страдая от того, что Сталин не желает повернуться к нему лицом, – но делается все возможное...

Сталин и сейчас не пошевелился, ибо заранее знал, с чем пожаловал к нему Мехлис. Молотов и Калинин, оглушенные дурной вестью, сочувственно и с болью смотрели на отвернувшегося к окну Сталина, не в силах понять, расслышал он в шуме ливня слова армейского комиссара или нет. А Мехлис, растерянно оглянувшись на них, заговорил вновь:

– Особый отдел фронта и специально созданная группа политуправленцев принимают все меры, чтобы или выяс-

нить истину, или, если Яков Иосифович не у немцев, разыскать его, живого или мертвого...

Сталин продолжала молчать, будто не в силах оторваться от зрелища разбушевавшейся грозы.

– Коба, ты что, не слышишь?! – возвысив голос, взволнованно спросил Молотов. – Немцы схватили Яшу!..

Сталин медленно, будто тело ему плохо подчинялось, отвернулся от окна и посмотрел на Молотова пасмурным и каким-то затравленным взглядом. Затем неторопливо направился к своему столу, сел в кресло и спокойно, со скрытой укоризной, сказал:

– Сталин не глухой... Мне уже известно о пленении старшего лейтенанта Якова Джугашвили...

– Я беру на себя выяснить все до конца!.. – нарушил тишину Мехлис. – Более того, можно устроить побег Якова: мобилизовать наших разведчиков. Я уже разговаривал с генералом Дроновым... Можно, наконец, если это не удастся, поторговаться с Гитлером!

– Поторговаться с Гитлером? – изменившимся голосом спросил Сталин и так посмотрел на Мехлиса, что тот смешался.

– Я имею в виду обмен, – сбивчиво начал объяснять Мехлис. – У нас есть несколько пленных генералов... Можно их отдать Гитлеру взамен Якова.

– Так-так... Начальник Главного политуправления армейский комиссар первого ранга предлагает Генсеку торговую

сделку с Гитлером! – Сталин, выйдя из-за стола, начал прохаживаться по кабинету, то и дело с едкой иронией поглядывая на Мехлиса. – Армия воюет, люди умирают, а Мехлис торгуется...

– Коба, ты, по-моему, перегибаешь палку, – поддержал Мехлиса Молотов, обращаясь к Сталину. – Ведь действительно существует международная практика обмена пленными между воюющими сторонами.

– Совершенно верно, – сказал свое слово и Калинин. – И ничего предосудительного тут нет.

– Ладно, защитники! – Сталин, остановившись посреди кабинета, уже миролюбиво заулыбался. – Я представил себя торгующимся с Гитлером... Немыслимо! – Он опять зашагал по ковровой дорожке и после недолгого молчания заговорил будто сам с собой: – Конечно, хорошо бы спасти Яшу... Ему в плену будет тяжелее, чем кому бы то ни было... С сыном Сталина постараются поиграться всерьез... Но что нам скажут те многие, многие тысячи наших бойцов и командиров, которых мы не выкрадем и не обменяем?.. – Он вновь остановился посреди кабинета и уже кричащим болью и безысходностью взглядом поочередно посмотрел в лицо Молотову, Калинин, Мехлису. Но тут же заговорил смягчившимся голосом: – Мы руководители партии и государства! И мы не имеем права никому внушать мысль о преимуществе плена перед смертью...⁴ Может, это и жестоко, но так требует ло-

⁴ Яков Джугашвили родился в 1908 году в Баку. Спустя восемь месяцев умерла

гика борьбы...

Мы считали и по-прежнему будем считать, что сдача в плен не только проявление малодушия, но и предательство... Другое дело, если люди оказываются в плену случайно, не по своей воле, захваченные без сознания... Я верю, что и Яков не сам сдался в плен... Верю! – Потом Сталин подошел к Мехлису, который все еще продолжал стоять у длинного стола. Ткнув потухшей трубкой в сверкающую пуговицу гимнастерки армейского комиссара первого ранга, цепко посмотрел ему в глаза, словно в самую душу. Понизив голос, с прочувствованной удовлетворенностью сказал: – А ваша мысль, товарищ Мехлис, насчет обмена немецких генералов заслуживает внимания... Затем повернулся к Молотову, взмахнул рукой в его сторону и уточнил: – Это по твоей части, товарищ нарком иностранных дел... Только, видимо, надо несколько повременить с этим, пока к нам не попадет в плен побольше чинов...

...Пусть за всех своих генералов Гитлер отдаст нам одного

мать Екатерина Сванидзе. В Москву приехал в 1921 году. В 1936 году закончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1941 году артиллерийскую академию. С 27 июня на фронте. Командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка. Пленен 12 июля. Предпринимал ряд попыток побега из лагеря Заксенхаузен. 14 апреля 1943 года Яков отказался войти в барак и бросился в «мертвую зону». Был застрелен часовым. За мужественное поведение в плену он посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Существует версия, что Яков остался жив и после освобождения лагеря увезен американцами (см.: Правда. 1994. 6 апр.). Документального подтверждения ее нет.

человека – Эрнста Тельмана!

Все потрясенные молчали, размышляя над услышанным» (*Стаднюк И. Война. С. 489*).

Несколько иная версия излагается писателем В.Д. Успенским устами его героя Лукашева.

«9 августа из Ленинграда, – рассказывает он, – специальным самолетом был доставлен секретный пакет от члена Политбюро ЦК ВКП(б), члена Военного совета Северо-Западного направления А.А. Жданова. В сопроводительной записке было очень коротко сказано: вот немецкая листовка, распространяемая вражескими пропагандистами... Без комментариев.

А листовка, прямо скажем, была впечатляющая. Одна сторона еще так-сяк, довольно обыкновенная для того времени... Вторая ее сторона имела характер важной политической акции, направленной на подрыв авторитета советского командования, на самооправдание людей неуверенных, трусоватых... Впрочем, судите сами.

Четкая фотография. По лужайке прогуливаются трое. Одного немецкого офицера, засунувшего руки в карманы распахнутой шинели, можно не считать, он тут сбоку припека. Затем весьма привлекательный, немолодой немец в кителе и галифе, с отличной выправкой, без фуражки: светлое лицо и совершенно белые (или седые) волосы. Плечо в плечо с ним темноволосый, темнолицый, в каком-то темном балахине (может, широкая гимнастерка без ремня) и тоже без

головного убора – Яков Джугашвили. Жестикуюлирует, что-то объясняя немцу. Выражение лиц у всех деловое, спокойное: приятели на прогулке да и только. Именно это поразило меня и сразу же вызвало вспышку гнева у Иосифа Виссарионовича.

– Позор несмываемый!

– Может, он попал в плен раненый, без сознания, – предположил я.

– Он не имел права попадать в плен ни при каких обстоятельствах. Он мог бы покончить с собой там, у немцев, а не разгуливать с германскими офицерами! Позор! Он всегда думал только о себе и никогда обо мне, о чести нашей семьи. Для меня он больше не существует! – отрезал Иосиф Виссарионович.

...Надо было как-то разобраться с Яковом, принять какое-то решение. А поскольку дело касалось прежде всего лично Сталина, его семьи, то обсуждение состоялось не в служебном кабинете Иосифа Виссарионовича, а на Кунцевской даче, за поздним обедом и после него. Присутствовали: Шапошников, Молотов, Берия и автор этих строк. Сталин сразу же поставил Лаврентия Павловича в тупик прямым и суровым вопросом: можно ли установить, где находится Яков, выкрасть его или провести операцию, после которой официально объявить, что старший лейтенант Джугашвили не покорился врагу и погиб от рук гитлеровских палачей. Молотов поддержал: как ни прискорбно, а принять

все меры, даже самые крайние, необходимо...

Берия без обычной для него самоуверенности начал странно рассуждать о том, что немцы, конечно, будут охранять Якова особенно тщательно, переводя его из одного места в другое. Но мы, дескать, попытаемся выявить, где он...

Борис Михайлович Шапошников мягко, но достаточно веско изложил свое мнение, сводившиеся вот к чему... Найти и нейтрализовать Якова Джугашвили нам сейчас не удастся. Не надо даже затевать никаких акций, не надо проявлять интереса к пленному. Это только возвысит его авторитет в глазах неприятеля.

– Но мы должны что-то ответить немецкой пропаганде, мы должны что-то противопоставить врагу! – произнес Сталин.

– Никакой реакции – вот самый лучший ответ. Пошумят и перестанут. Никаких официальных подтверждений или опровержений. Кто-то у нас поверит немцам, кто-то посчитает листовки очередной гитлеровской фальшивкой...» (*Успенский В.Д.* Тайный советник // *Коммунист Вооруженных Сил.* 1990. № 7. С. 79–80).

Свое видение этого факта излагает и Д.А. Волкогонов.

«Судьба сына, – пишет он, – волновала Сталина только с одной стороны. Грешно думать так, размышлял он, но лучше бы Яков погиб в бою. А вдруг не устоит – он слабый – сломают его, и он начнет говорить по радио, в листовках, что ему прикажут? Собственный сын Верховного Главнокоман-

дующего будет действовать против своей страны и отца! Та мысль была невыносима. Вчера Молотов, когда они остались вдвоем, сообщил, что председатель Красного Креста Швеции граф Бернадот через шведское посольство устно запросил уполномочивает ли его Сталин или какое другое лицо для действий по вызволению из плена его сына? Сталин минуту-две размышлял, потом посмотрел на Молотова и заговорил совсем о другом деле, давая понять, что ответа не будет» (*Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Кн. 2. Ч. 1. С. 211).

В любом случае плен Якова стал трагедией для Верховного Главнокомандующего.

Роль Сталина в руководстве вооруженными силами накануне и в первые дни войны нельзя оценивать однозначно. Безусловно, он был виновен в том, что первый удар противника по соединениям и частям непосредственного прикрытия границы был неожиданным для их командования и личного состава. Но уже оперативные и оперативно-стратегические структуры могли создать фронт обороны по крайней мере по рубежу старой западной границы СССР, хорошо оборудованной в инженерном отношении. Сил и средств для этого было достаточно.

Но произошло то, что до сих пор всячески скрывается от общества. Пресловутый советский патриотизм и коммунистическая убежденность сломались при встрече с сильным и нахрапистым врагом. Войска начали отступление, по темпам схожее с паническим бегством. При этом врагу оставлялись

склады и тяжелое вооружение. Тысячи красных бойцов и командиров сдавались в плен, причем не в одиночку, а подразделениями, а нередко и целыми частями. Такого проявления верности советской идеологии не ожидали ни Сталин, ни его окружение. За июль – август в уманском котле было пленено около 80 тысяч человек, в Белостокском выступе и под Минском – 328 тысяч, под Смоленском – 310 тысяч. В сентябре восточнее Киева взято в плен свыше 600 тысяч человек. В числе плененных был и родной сын Верховного. Всего в 1941 году Красная Армия потеряла пленными примерно столько же, как убитыми и ранеными. Такого расклада не предполагал никто, и прежде всего сам Сталин, который был убежден, что любой советский человек с готовностью умрет за каждую пять родной земли. Армия оказалась не такой, какой представляли ее вождю Ворошилов и Тимошенко.

...Приближалась первая военная осень. Сталин внимательно вглядывался в оперативные карты с обстановкой на фронтах, висящие в его кремлевском кабинете, аналогичные тем, которые находились в особняке на улице Кирова, близ станции метро «Кировская», где работала большая часть Генерального штаба. Утешительного было мало. Советские войска с боями оставили Кингисепп, Чудово, Таллин, Кривой Рог, Николаев, Херсон. Враг блокировал с суши Одессу. Развернулись бои на ближних подступах к Ленинграду. Соединения группы армий «Север» вышли к Неве и перерезали железные дороги, связывающие город со стра-

ной. Объединения группы армий «Юг» форсировали Днепр севернее Киева и в районе Чернигова. Кольцо окружения вокруг столицы Украины замкнулось.

И все же фашистскому командованию не удалось добиться поставленной Гитлером цели, определенной планом «Барбаросса», – уничтожить основные силы Красной Армии. Это понимал Сталин. Армия сражается. Отступает, но сражается. Потребуются невероятные усилия во всех сферах, связанных с достижением в ней победы над врагом, – военной, экономической, дипломатической.

30 августа войска Резервного фронта перешли в наступление. Началась Ельнинская наступательная операция. 10 сентября войсками Ленинградского фронта и 54-й отдельной армии была сделана попытка прорвать блокаду Ленинграда. Наметился первоначальный успех. Достичь поставленной цели, однако, не удалось. Тем временем наступила катастрофа под Киевом. Безвозвратные потери войск Юго-Западного фронта превысили 616 тысяч человек (Гриф секретности снят. М., 1993. С. 166). Погибли командующий войсками фронта генерал М.П. Кирпонос, начальник штаба фронта генерал В.И. Тупиков, член Военного совета М.А. Бурмистенко.

28 сентября состоялась встреча Сталина с представителями глав США и Великобритании Гарриманом и Бивербруком. Вечером, когда Москва была уже затемнена, на одном из посольских автомобилей они приехали в Кремль. Сталин

встретил гостей скупой улыбкой, крепкими рукопожатиями и приветственной тирадой, выражавшей удовлетворение их благополучным путешествием в Москву. Поинтересовался самочувствием президента Рузвельта и премьера Черчилля. Каждая его фраза тут же звучала по-английски – переводчик хорошо знал свое дело.

Затем Сталин шагнул в сторону, давая гостям возможность поздороваться с Молотовым и выполнявшим роль переводчика Максимом Литвиновым.

Сегодня Молотову отводилась роль молчаливого участника этой первой встречи – так они условились со Сталиным, учитывая, что в августовских переговорах 39-го года с немецким имперским министром фон Риббентропом, завершившихся подписанием соглашения о взаимном ненападении, он, Молотов, по мнению руководящих кругов Англии и Америки, играл заглавную роль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.